

НЕВЕРОЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ И. С. ТУРГЕНЕВА В ПЕТЕРБУРГ И МОСКВУ

(ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1879 ГОДА)

Начало 1879 года выдалось для Тургенева на редкость тяжелым. Едва оправившись от сильного приступа подагры, продержавшей его в постели всю середину декабря ушедшего 1878 года, в первых числах января следующего он сильно простудился и потерял голос. Да и хлопоты, которыми он был обременен эти месяцы, отличались далеко не благоприятными свойствами. 3 (15) ноября 1878 года в Рамбулье, под Парижем, после тяжелой болезни скончался выдающийся востоковед и друг Тургенева Николай Владимирович Ханыков, еще с 1860 года обосновавшийся во французской столице.

«Вот еще исчез один из людей „сороковых годов“, — писал Тургенев старому приятелю Я. П. Полонскому 10 (22) ноября 1878 года, — ...и почти ни один не достигал 60-тилетнего возраста. За кем-то очередь теперь? — Не за мной ли, так как мне дней десять тому назад — минуло именно 60 лет».¹ Писатель не только взял на себя обязанности по организации похорон, выступал при погребении на кладбище Пер-Лашез, но и решил сделать подписку на памятник Ханыкову, договорившись предварительно с живущим в это время в Париже М. М. Антокольским, который взялся осуществить проект.

Еще не закончив это дело, писатель получил сообщение о смерти другого близкого человека — Николая Николаевича Тютчева, умершего в Петербурге 15 (27) декабря 1878 года. Входящий в 40-е годы в круг Белинского, Тютчев связал себя с Тургеневым более тесными, почти семейными отношениями, приняв в 1850 году, после смерти матери писателя Варвары Петровны, обязанности управляющего Спасским-Лутовиново. «Не думал я осенью, — писал Тургенев брату Тютчеву Сергею Николаевичу 2 (14) января 1879 года, — видя его в полном цвете мужества, что ему так мало оставалось жить! Мне не нужно уверять Вас, как глубоко опечалила меня эта внезапная смерть. — Николай Николаевич принадлежал к числу редких людей, которых одинаково уважают и любят. Собственно для меня — вместе с ним исчез в Петербурге целый дом и приют. <...> Редкуют наши ряды — и никто не может заменить павших».² Говоря «наши ряды», Тургенев имел в виду, конечно, не просто ровесников (Тютчев был на три года старше, а Ханыков на год моложе его), а поколение, к которому всегда с гордостью причислял себя, — поколение людей сороковых годов.

Новый удар не заставил себя долго ждать. И хотя на этот раз речь шла не о человеке «сороковых годов», он был не менее силен, поскольку речь шла о родном брате писателя Николае Сергеевиче, скончавшемся 7 (19) января 1879 года в своем имении Тургенево Чернского уезда Тульской губернии на 63-м году жизни. О предсмертной болезни брата Тургенев узнал, очевидно, из телеграммы, посланной из Петербурга от имени управляющего имениями П. К. Маляревского, который, как выяснилось довольно скоро,

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 16 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. Т. 16. Кн. 1. С. 201. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием серии (С или П), а также номера тома и страницы арабскими цифрами.

² Черных В. А. Новые письма И. С. Тургенева (Письма к С. Н. Тютчеву и Н. А. Щепкину) // Встречи с прошлым. М., 1976. Вып. 2. С. 54. См. также: П 16-2, 8.

оказался не только душеприказчиком Николая Сергеевича, но и главным его наследником.³

«Сообщаю Вам, любезнейший Павел Васильевич, постигшее меня горе: в прошлое воскресенье брат мой Николай Сергеевич скончался в тульской своей деревне, — писал 12 (24) января 1879 года Тургенев ближайшему другу П. В. Анненкову. — Мы с ним видались редко, интересов общих не имели... а все-таки: брат! Тут есть кровная, бессознательная связь, которая сильнее многих других» (П 16-2, 19). Горе усугублялось еще и тем, что Тургенев не был своевременно предупрежден о тяжелой болезни брата и не смог проститься с ним. Узнав о его кончине, писатель должен был немедленно выехать в Россию, чтобы успеть к похоронам, но и это не удалось сделать: очередной приступ подагры вновь уложил его в постель, а на просьбы перенести похороны душеприказчик ответил категорическим отказом. Так или иначе, но до Петербурга Тургенев добрался лишь месяц спустя, 8 (20) февраля 1879 года.

То, что начало происходить с писателем уже в Петербурге, затем продолжилось в Москве и завершилось вновь в Петербурге, с трудом поддается рациональному объяснению. Полтора месяца пребывания в столицах превратились в едва ли не непрерывное чествование, сопровождавшееся массовыми торжествами — чтениями, обедами, приветственными спичами, оглушительными аплодисментами, преподнесенными адресами, лавровыми венками, букетами цветов и т. д. и т. п. Причем никакого конкретного повода для столь масштабных мероприятий не было: 60-летний юбилей писателя пришелся на октябрь 1878 года и прошел практически незамеченным, никакое новое произведение, которое могло бы вызвать взрыв энтузиазма, не появилось в печати. Более того, еще в августе 1877 года Тургеневым было принято решение навсегда оставить литературу. Откликаясь на просьбу о сотрудничестве редактора недавно основанной одесской газеты «Правда» И. Ф. Доливо-Добровольского, он писал: «Говоря Вам откровенно, я совсем было решил прекратить мои литературные занятия, и если снова возьмусь за перо, то единственно для того, чтобы доказать Вам на деле сочувствие, возбужденное во мне программой „Правды“» (П 15-2, 209). Своему знакомому Б. А. Чивилеву Тургенев объяснил свою позицию гораздо определеннее: «Если бы г-н Доливо-Добровольский предлагал брать мои статьи даже на вес бриллиантов — не говорю уже золота — все-таки я бы не мог удовлетворить его, ибо прекратил безвозвратно всякую литературную деятельность» (П 15-2, 294). Очевидно, редактор газеты не принял всерьез намерение Тургенева, усмотрев в вежливом отказе готовность сотрудничать, и поспешил объявить печатно об обещании Тургенева «обогащать газету» своими статьями.⁴ Подобная бесцеремонность задела писателя, и в феврале 1878 года в письме к Доливо-Добровольскому он снова подтвердил свое решение «оставить литературу»: «Что же касается до моего участия (...), то я с сожалением замечая, что Вам всё не угодно поверить искренности моего заявления, состоящего в том, что я совершенно оставил литературные занятия. Сколько мне помнится, я и в прошлом году дал Вам обещание условное; и потому, мне кажется, публике на Вас претендовать нечего. Да и вряд ли эти претензии могут быть серьезны, если судить по приему, которым встречались все мои последние произведения. Но как бы то ни было, я *положил перо и уж больше за него не возьмусь*» (П 16-2, 44—45).

³ Подробнее о нем и о духовном завещании Н. С. Тургенева см.: Генералова Н. П., Лукина В. А. Дело о духовном завещании Н. С. Тургенева (1879) // Тургеневский ежегодник 2015 года. Орел, 2017. С. 23—48.

⁴ См.: П 16-1, 377 (прим. 3 к письму 4954).

Это письмо, вовсе не предназначенное к печати, было, однако, опубликовано в «Правде», воспроизведено другими газетами и вызвало ряд откликов прежде всего друзей писателя, огорченных его решением. Из них наиболее интересным является отклик бывшего министра народного просвещения А. В. Головнина, с которым у Тургенева сложились приятельские отношения еще в бытность их совместной службы в 1843—1845 годах в Особой канцелярии министра внутренних дел Л. А. Перовского. Отвечая на не сохранившееся письмо Головнина, содержащее горячую просьбу не оставлять литературных занятий, Тургенев писал: «Скажу Вам в двух словах: письмо Ваше меня глубоко тронуло и несколько взволновало. Если б что-нибудь могло поколебать мою решимость, то это было бы именно такое письмо. Но я вынужден сознаться, что, живя почти постоянно за границей, я не в состоянии продолжать тех пристальных наблюдений над русской жизнью, без которых невозможно воспроизводить ее с достаточной верностью и точностью. В таком случае лучше умолкнуть. Воспоминание о возбужденных сочувствиях и, пожалуй, принесение пользы вполне вознаграждает за ту невольную горечь, которая всегда появляется в душе при прекращении привычной деятельности. А потому двойное спасибо Вам за то, что высказали эти сочувствия (...)» (П 16-1, 74).⁵

Известно, как тяжело переживал Тургенев разлад между ним и русской публикой, особенно явно обозначившийся в 1862 году после появления в печати «Отцов и детей». С тех пор почти ни одно новое произведение писателя не избежало резких, подчас грубых нападок. Последний же роман — «Новь» (1877) — стал настоящей мишенью для критиков всех мастей, от крайне левых до крайне правых. Как и в случае с «Отцами и детьми», одни обвиняли писателя в заигрывании с молодежью, другие — в отрыве от ее стремлений и чаяний.⁶ Такое единодушное неприятие романа и непонимание подлинного авторского замысла привели Тургенева к мысли, что он и в самом деле настолько отдалился от русской жизни, что утратил живую связь со своими читателями. Вот почему в ответе начинающей писательнице Л. Я. Стечкиной, обратившейся к писателю за разрешением посвятить ему

⁵ Из переписки Тургенева с Головниным целиком сохранилось лишь семь писем Тургенева (1877—1881), еще четыре письма (1878—1879) известны в отрывках, копии с которых были приложены Головниным к письмам, адресованным великому князю Константину Николаевичу (см.: Новые материалы о Герцене и Тургеневе / Публ. М. Д. Эльзона // Русская литература. 1979. № 3. С. 185—186). Цитируемое письмо (от 18 (30) марта 1878 года) принадлежит к числу тех четырех, которые сохранились в копиях. Отвечая на него, Головнин не согласился с доводами Тургенева: «Получил я ваше письмо от 18/30 марта, дорогой Иван Сергеевич, но не признаю себя побежденным. Вы говорите, что, „проживая постоянно за границей, вы не в состоянии продолжать тех пристальных наблюдений над русской жизнью, без которых невозможно воспроизводить ее с верностью“. Но, умоляя вас не бросать перо, я вовсе не имел в виду непременно явления современные. Для нас дороги ваши картины прошлого. Возьмите толстую тетрадь, напишите на ней „Мои воспоминания. Negotium in otio (Занятие на досуге. — лат.)“ и дайте волю перу. Через несколько времени вы скажете сами: „и песня, по мере как пелась, невидимо свой расширяла охват, и вольный лился без различия лад, для всех, кому слушать хотелось“ — а заслушается вся русская земля, все, у кого есть чувство изящного, у кого бьется сердце к добру» (Переписка с А. В. Головниным (1877—1881) / Публ. А. М. Гаркави // Лит. наследство. 1964. Т. 73. Кн. 2. С. 81—82). Цитируя строки из баллады А. К. Толстого «Слепой», Головнин будто провидел, что Тургенев уже начал писать свою «последнюю поэму» (выражение Л. Гроссмана) — «Стихотворения в прозе», — большая часть которой была создана именно в 1878 году.

⁶ О реакции на «Новь» см.: Степанова Г. В. Первые отклики печати на роман «Новь» // Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 192—195; Мостовская Н. Н. 1) Из журнальной полемики вокруг «Нови» (Забывтые воспоминания А. В. Половцова) // Там же. С. 185—191; 2) И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983. С. 66—79; Лукина В. А. «Новь» в зеркале русской критики: Тургенев — читатель первых откликов на роман // Тургеневский ежегодник 2013 года / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрихина. Орел, 2014. С. 21—32.

свой первый роман «Варенька Ульмина» (первоначальное заглавие «Кривые деревья»), нельзя заподозрить и тени кокетства: «...принимаю Ваше посвящение как великую честь — хотя, при настоящем настроении нашей публики, мое имя может только повредить Вам» (П 16-2, 22; письмо от 13 (25) января 1879 года).

Ответное письмо Стечкиной настолько знаменательно, что имеет смысл привести его почти целиком. «Но неужели под публикой, в глазах которой мне может повредить Ваше великое имя, Вы действительно разумеете всех теперешних русских читателей или хоть значительное большинство их? Не рассердитесь на меня за мою смелость. Но, при всем моем безграничном почитании, я не могу удержаться и не сказать: на этот раз Вы ошибаетесь, ей-Богу ошибаетесь, Россия не заслужила от Вас такого упрека, и мне как русской больно слышать это. Простите, что я спорю с Вами, что я осмеливаюсь спросить: что заставило Вас так обидно думать о нашем поколении? Если позволите, я мои слова поддержу фактами: разве Вас теперь читают меньше прежнего, разве те томики „Русс(кой) библиотеки“, которые носят Ваше имя, не разошлись сразу, наравне с Пушкиным и Лермонтовым? (А между тем издавать такими кусочками романиста — вещь почти невыносимая.) Потом я могла бы привести Вам целый ряд подчас забавных доказательств того, какое обаяние заключает в себе одно Ваше имя: рассказать Вам и о лицах, ездивших (в бытность Вашу прошлой осенью в Туле) в вокзал жел(езной) дороги и гостиницы взглянуть на Вас, и о смиренном начальнике станции в Суходоле, который, узнав, что ждут Вас, своими руками сделал ступеньки в насыпи, чтобы Вам удобнее было сойти к экипажу. Нет, не обижайте русскую публику. Не она говорит устами безграмотных петербургских журналистов, и несправедливо заставить ее отвечать за их вздорные речи. Эти господа вон и Пушкина бранили; неужели же вследствие этого можно сказать, что Россия перестала любить или ценить Пушкина? Нет, русская публика не изменила Вам! Конечно, после „Отцов и детей“, после того как Вы вдруг ослепили ее ярким, направленным ей прямо в лицо светом и она ответила громадным стоном боли, чувство ее к Вам приняло новый оттенок: прежде Вы пленяли ее, тут она стала трепетать перед Вами и, разумеется, *скрывать свой страх*, храбриться (но самые слова «нигилист», «нигилизм», вошедшие в употребление, доказали, что никогда связь ее с Вами не была теснее). Это чувство, почти без изменения, унаследовало и наше поколение; только выражается оно у нас уж очень по-детски — мы еще так малы. Вот истинное настроение действительно русской публики, половина которой потому и станет читать мой роман, что он посвящен *Вам*, хотя может быть и не признается в этом. Мне сделалось совестно, когда я написала все это: даже Ваша постоянная снисходительность не дает мне права говорить Вам об этом и в такой форме. Но я все-таки пошлю это письмо: я уверена, что Вы скорее посмеетесь надо мною, нежели рассердитесь на меня».⁷ Не прошло и месяца, как эти, быть может наивные, но несомненно искренние слова блестящим образом подтвердились, хотя сам Тургенев вряд ли поверил своей почитательнице. Буквально за два дня до приезда в Россию во время кратковременной остановки в Берлине (6 (18) февраля) он «категорически» заявил журналистам, что «более не думает писать и (...) остается верным данному себе и всему миру обещанию ничего более не печатать».⁸

Через день по приезде в Петербург, 10 (22) февраля 1879 года Тургенев оказался в петербургском клубе художников на представлении «Грозы»

⁷ ИРЛИ. № 5837. Л. 3—4 об. См. также: Тургеневский сборник. Л., 1967. Вып. 3. С. 378—379 (публ. Г. В. Степановой).

⁸ Новости. 1879. 17 февр. № 43.

А. Н. Островского, с П. А. Стрепетовой в роли Катерины. И здесь произошло нечто, глубоко взволновавшее писателя. «Лишь только высокая фигура Тургенева появилась в дверях, — вспоминала позже оказавшаяся рядом молодая писательница Е. И. Блаرامберг, — какой-то трепет и шепот пронесся по рядам стульев; все начали вставать, и зала разразилась аплодисментами. Тургенев, несколько озадаченный, на мгновение остановился, потом заторопился двинуться вперед вслед за распорядителем, сопровождаемый дружными аплодисментами.

— Что это, — сказал он мне взволнованным голосом. — Настроение будто изменилось».⁹

Настроение русской читающей публики на самом деле изменилось и, что было особенно важно для Тургенева, это изменение затронуло широкие слои молодежи. Дальнейшее пребывание писателя в обеих столицах («месяц в столицах», по меткому определению одного из критиков, обыгравшего неожиданный театральный успех тургеневской комедии «Месяц в деревне», данной 17 (29) января 1879 года в бенефис юной актрисы Александринского театра М. Г. Савиной) действительно превратилось в невиданное доселе торжество.

Уже 15 (27) февраля Тургенев, прибывший в Москву накануне, присутствовал на обеде, который был дан в его честь молодыми московскими профессорами во главе с М. М. Ковалевским, сгруппировавшимися вокруг недолго просуществовавшего журнала «Критическое обозрение». С Ковалевским писатель познакомился в июне 1878 года во время Литературного конгресса по авторским правам в Париже, куда тот прибыл в составе русской делегации. Тургеневу пришлось сыграть значительную роль на этом конгрессе, заняв должность сопредседателя вместе с Виктором Гюго, и защищать интересы русских издателей и переводчиков от сплотившихся вокруг французских литераторов европейских коллег, требовавших, чтобы переводы их произведений, в том числе драматических, гарантированно оплачивались русскими редакторами, издателями и директорами театров.¹⁰ Во время заседаний этого форума русские участники (в том числе писатель П. Д. Боборыкин) смогли по достоинству оценить авторитет Тургенева в европейских литературных кругах. Недаром именно Боборыкин, обязанный Тургеневу личным знакомством в 1878 году со знаменитыми французскими романистами Э. Гонкуром, Э. Золя и А. Додэ (вскоре он опубликует о них статью «У романистов»), стал одним из деятельных участников состоявшихся в феврале—марте 1879 года чествований Тургенева на родине. Опишет он эти знаменательные события и в своих воспоминаниях. Но главным организатором тургеневских торжеств, кажется, был все же М. М. Ковалевский.

На упомянутом обеде у Ковалевского произошло то, чего Тургенев втайне ждал почти двадцать лет: ему как бы принесли извинения за несправедливые нападки на его произведения, признав за ним выдающуюся роль в формировании мировоззрения нескольких поколений. Вот как описал этот обед анонимный корреспондент газеты «Русские ведомости»: «В четверг один из симпатичных профессоров московского университета М. М. Кова-

⁹ Воспоминания Е. И. Бларамберг (Апрелева-Ардов) / Публ. С. А. Ипатовой // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2016. Вып. 4. С. 732—733.

¹⁰ См. об этом конгрессе содержательную статью П. Уоддингтона: *Waddington P. Turgenev and the International Literary Congress of 1878* // *New Zealand Slavonic Journal*. 1983. P. 37—70; а также: *Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений*. СПб., 2003. С. 49—59. Протоколы этого показательного во многих отношениях конгресса были изданы отдельной книгой: *Congrès littéraire international de Paris, 1878 / Présidence de Victor Hugo. Comptes rendus in extenso et documents*. Paris, 1879.

левский чествовал у себя высокодаровитого нашего романиста обедом, на котором собрался обычный молодой кружок, сгруппировавшийся в последние два года. (...) Хозяин приветствовал дорогого гостя горячим обращением к нему как к гражданскому и эстетическому воспитателю тех поколений, к которым принадлежат все присутствовавшие на обеде. В таком же смысле говорили потом гг. Чупров, Бугаев, Веселовский, Боборыкин, выражая Ивану Сергеевичу единодушное желание — видеть новые явления русской жизни в его творческой обработке, и заявляя ему: до какой степени понимание и симпатии русского общества и к последним его произведениям расходятся с той тенденциозностью органов прессы, которая могла сильно охладить его любовь к родному слову и писательскому труду».¹¹ По существу, Тургенев впервые услышал на этом обеде решительную переоценку не только его последних романов «Дым» (1867) и «Новь» (1877), столь недоброжелательно встреченных русской критикой, но и романа «Отцы и дети», что не могло не растрогать его. От избытка чувств он, по свидетельству мемуаристов, не смог сдержать слез. «По его собственному признанию, — было сказано в корреспонденции, — никогда еще ему (Тургеневу. — Н. Г.) не становилось так жаль того, что обстоятельства отдалили его от русской действительности».¹² Характерно, что в этой дружественной обстановке Тургенев предложил тост за Белинского, которого с первых своих шагов считал «несравненным учителем в деле литературного творчества, любил и почитал как чистую душу, как одаренного „центрального“ русского человека и гражданина».

То, как Тургенев говорил о Белинском, подчеркивал автор публикации, «отличалось особенным нравственным изяществом; чувствовалось тут веяние целой полосы русского таланта, ума, доблестных стремлений, исходящее из уст величавого русского поэта-наблюдателя, которым наша родина может с полным правом гордиться перед всем остальным цивилизованным миром...»¹³

Восхищенно отзываясь о затянувшейся до ночи беседе, автор корреспонденции выражал уверенность, что «и вся московская публика будет восторженно принимать знаменитого гостя везде, где только представится к этому повод». Первым было названо заседание Общества любителей российской словесности 18 февраля (2 марта), которое, как сообщалось в газете, собирается посетить писатель и даже принять участие в чтениях. Любопытно, что здесь же содержался прямой призыв прийти на заседание не только членам Общества, но и другим «представителям литературы и прессы» с целью приветствовать «нашего дорогого соотечественника». Таким образом, уже в первых откликах на пребывание Тургенева на родине задавался тон, подразумевающий значимость этого приезда, и прозвучало предложение отметить пребывание писателя в России как событие национального масштаба. Дальнейшее с избытком оправдало надежды доброжелателя Тургенева из «Русских ведомостей», которым, скорее всего, мог быть П. Д. Боборыкин.

В одном из ближайших номеров газеты тот же корреспондент описал небывалое стечение народа 18 февраля (2 марта) на публичном заседании Общества любителей российской словесности в зале физической аудитории Московского университета, не сумевшей вместить всех желающих: «Уже в половине первого были заняты не только все места для сиденья, но и все свободные между ними проходы. Хоры были окаймлены живым плющом сту-

¹¹ Русские ведомости. 1879. 17 фев. № 42. С. 3.

¹² Там же.

¹³ Там же.

денческих голов. Многие из членов Общества, за неимением мест, расположились на ступенях и краях эстрады в живописном беспорядке. (...) Едва показалась величавая фигура И(вана) С(ергеевича), как своды зала огласились громом оглушительных рукоплесканий. Крики „браво” перекатывались в продолжение нескольких минут из конца в конец, возобновляясь все с новою силою. Рукоплескали дамы, рукоплескали члены Общества, рукоплескали все до одного».¹⁴ Передал автор корреспонденции и смущение, которое испытал Тургенев, услышав неумолкающие аплодисменты: «На симпатичных чертах лица И(вана) С(ергеевича) выражалось умиление и... „удивление”: он, по-видимому, не ожидал такого приема от „Москвы”. Все ниже и ниже наклонял И(ван) С(ергеевич) свою многодумную голову, выражая свою благодарность». Прозвучало в статье и неодобрение «несколько длинной и резонерской» речи студента Викторова, в которой молодой радикал бросил писателю упрек в непонимании молодого поколения. После мастерского чтения А. Ф. Писемским главы из своего нового романа «Масоны» на эстраду поднялся председатель Общества и объявил об избрании Тургенева его почетным членом, вызвав слезы на глазах писателя, которому пришлось просить пощады и, спасаясь от поджидавших его поклонников, выехать через другой подъезд. «Прием, сделанный ему (Тургеневу. — Н. Г.), превзошел все мои ожидания, — вспоминал позднее Ковалевский. — При его появлении в зале (...) поднялся буквально гром рукоплесканий и не стихал несколько минут».¹⁵

Упомянутая речь Викторова заслуживает особого внимания, поскольку это было первое публичное признание заслуг Тургенева, прозвучавшее из уст молодого человека, представителя студенчества. О том, что оно не было спонтанным, свидетельствуют факты. Как выяснилось позже, Викторов выступал от лица определенного крыла революционно настроенного студенчества, которое, судя по всему, действовало «в связке» с либеральным крылом московской профессуры.

Воспроизводя много позже по памяти свое выступление, П. П. Викторов писал: «Я приветствовал Тургенева как человека, в котором наше поколение видит живого носителя преемственных традиций 40-х годов, славного представителя блестящей плеяды кружка Герцена и, что нам особенно дорого, доброго друга одного из наиболее близких нам духовных отцов нашего поколения — Белинского, человека, свято сохранившего светлые заветы своей молодости до наших дней, в отличие от близких ему современников, ставших ренегатами и отступниками (намеренный удар по Каткову, кажется, здесь же находившемуся).

Дальше я указал в своей речи на то, что Тургенев чутко улавливал в смене поколений основное содержание их запросов и устремлений, создав ряд образов, на которых мы, молодежь, воспитывались. Мы высоко ценим огромное общественно-политическое значение „Записок охотника”, ударивших по крепостному праву, и видим в этой книге основную заслугу писателя перед русской общественностью. „К сожалению, и теперь, как и тогда, почва под ногами закована, но только иначе закована”.

Нашему поколению (...) вы принесли и „Новь”, но, чтобы правдиво изобразить новь, недостаточно ее наблюдать со стороны, необходимо пережить хотя бы часть того, что перенесла новь за свое недавнее, но многострадальное существование...».¹⁶ Впрочем, в некоторых газетах эта речь была

¹⁴ Там же. 21 фев. № 45. С. 2 (разд. «Московские вести»).

¹⁵ Ковалевский М. Воспоминания об И. С. Тургеневе // Минувшие годы. 1908. № 8. С. 10.

¹⁶ Цит. по: Алексеева Н. В. Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе // И. С. Тургенев (1818—1883—1958): статьи и материалы. Орел, 1960. С. 334—335.

оценена как «зрело-обдуманная и глубоко прочувствованная».¹⁷ В определенном смысле ее можно было бы назвать программной. Таковой она и была.

Упрек писателю, прозвучавший в речи Викторова, был услышан. Знакомый Тургенева Н. Я. Стецкий позже отметил, что Викторов приветствовал писателя «несколько с высоты своего юного величия, несколько покровительственно»,¹⁸ а писательница Е. П. Леткова, в то время курсистка, прямо свидетельствовала, что упреки Тургеневу возмутили многих и вызвали споры среди учащих, и то «сдержанно критическое отношение к Ивану Сергеевичу, которое было обязательным после „Нови“ — вдруг пропало. Всплыло чувство преклонения перед громадным талантом и певцом русской женщины».¹⁹ Большинством молодежи речь, однако, была воспринята восторженно.

В то же время недоброжелательные к писателю «Московские ведомости» саркастически замечали, что «некто, никем, без сомнения, не уполномоченный, <...> наконец делает мягкосердному старцу нотацию за то, что тот не умел понять стремления молодого поколения, и заявляет, что будущих „Отцов и детей“ напишет уже не Тургенев. И что же? Маститый писатель, повинувшись духу времени, преклоняет седую голову, трогательно благодарит и объявляет, что вкушает высшую и лучшую награду в своей жизни!»²⁰ Тургенев действительно произнес краткое ответное слово, суть которого Ковалевский воспроизвел в своих воспоминаниях: «Я отношу ваши похвалы более к моим намерениям, нежели к исполнению, — сказал он, — от всей души благодарю вас!»²¹ Газета «Русские ведомости» воспроизвела ответное слово писателя в несколько более развернутом виде.²²

«Московские ведомости» ошиблись в том, что Викторов был «никем не уполномочен». Во-первых, как показало исследование Н. В. Алексеевой, он был уполномочен группой единомышленников. Сохранившийся конспект воспоминаний одного из участников событий студента В. С. Лебедева красноречиво свидетельствует о том, что речь Викторова была глубоко продуманной и политически мотивированной.²³ Во-вторых, устроителям было из-

¹⁷ Например, см.: Современные известия. 1879. 20 фев. № 50. С. 2.

¹⁸ Стецкий Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе (с приложением семи его неизданных писем). СПб., 1903. С. 18.

¹⁹ Леткова Е. П. Об Ив. С. Тургеневе (Из воспоминаний курсистки) // К свету. Научно-литературный сб. / Под ред. Ек. П. Летковой и Ф. Д. Батюшкова. СПб., 1904. С. 452—453.

²⁰ Московские ведомости. 1879. 31 марта. № 81. С. 4.

²¹ Ковалевский М. Воспоминания об И. С. Тургеневе. С. 11.

²² «Я так мало был подготовлен к такой встрече, что я не попытаюсь даже передать вам волнующие меня чувства. Благодарю за сочувствие... Сказанное здесь скорее должно относиться к моим намерениям, нежели исполнению. Еще раз благодарю...» (Русские ведомости. 1879. 21 фев. № 45. С. 2).

²³ «IV. Восстановление более близких отношений И. С. Тургенева с русской интеллигенцией и вообще с Россией (январь—февр. 1879 г.), — записано в конспекте Лебедева. — Приезд Тургенева из Парижа в Москву. Заседание „Обществ любителей российской словесности“ с участием Тургенева. Обращенная с хор к Тургеневу речь П. П. Викторова. В речи было выражено, что в свое время Тургеневым были напечатаны „Записки охотника“, послужившие боевым кличем к низвержению крепостного рабства. Затем наступили времена, когда произошло некоторое расхождение и охлаждение между Тургеневым и представителями следующего поколения. С тех пор прошло много лет; эти отношения успели сгладиться, смягчиться; в русском обществе назрели новые задачи и потребности; поднимаются снова идеалистические порывы, нужны своего рода новые „Записки охотника“, которые, однако, уже не напишет И. С. Тургенев. Тем не менее современное поколение снова находит точки соприкосновения с И. С. Тургеневым, возвращаясь к прежнему идеализму» (цит. по: Народовольцы после 1-го марта 1881 года. М., 1928. С. 161—162 (Историко-революционная библиотека журнала «Каторга и ссылка»; кн. 22)). Подробнее об этом конспекте и о Лебедеве, будущем члене Центрального исполнительного комитета «Народной воли», арестованном в 1882 году и впоследствии отошедшем от рево-

вестно о том, что от студенчества ожидается выступление, в связи с чем на хоры поднялся председатель Общества С. А. Юрьев и посоветовал Викторову говорить до начала заседания, чтобы не нарушать устав Общества.²⁴

Несмотря на неоднозначное восприятие частью слушателей отдельных моментов речи Викторова, сам Тургенев не только не обиделся на молодого человека, но позже, встретив его на заседании в зале Дворянского собрания 4 (16) марта 1879 года, тепло приветствовал, а через несколько дней пригласил зайти к нему на квартиру своего друга И. И. Маслова, где остановился в этот приезд, и попросил принести с собой текст речи «студента с хор». Вспоминая позже эту незабываемую встречу, Викторов подробно описал ее, как и еще одну, состоявшуюся, также по желанию писателя, у сестер Калиновских на Спиридоновке. По свидетельству Викторова, Тургенев живо интересовался положением дел в революционно настроенной студенческой среде, расспрашивал молодежь, кто оказал на нее наибольшее влияние, услышав в ответ, что наряду с К. Марксом, П. Л. Лавровым, В. Г. Белинским, Ч. Дарвином, Д. И. Писаревым, Н. Г. Чернышевским, М. Е. Салтыковым (Н. Щедриным), Г. И. Успенским, молодые люди увлекались и его произведениями, в том числе романом «Отцы и дети» и его главным героем Базаровым. Характерно, что спустя много лет Викторов отмечал, что писателя занимала именно «новь», та «новь», «с художественным изображением которой он так досадно поторопился», имея в виду то обстоятельство, что роман появился «до развертывания главных сил революционного народничества и его наиболее ярких и типичных представителей».²⁵ Однако Викторов ошибался: Тургенев не только интересовался революционным движением, но и, по мере сил, пытался воздействовать на молодежь, в том числе в ряде своих устных выступлений во время чествований весной 1879 года. «Новь» вышла в свет накануне активизации террористической деятельности радикальных групп молодежи, когда «нечаевская» тема стала вновь актуальной.

В своих воспоминаниях Викторов оставил выразительный и характерный портрет писателя: «Весь этот вечер Тургенев был бодр и оживлен, сверкая своим пенсне, которое он то сбрасывал, то с необычайной ловкостью накидывал. Повороты его головы были красивы и величавы, жесты коротки и изящны. Перед нами был человек аристократической породы, взращенный рядом поколений благодаря классовому отбору на почве, обильно удобренной тем самым крепостничеством, которое он так ненавидел». Мемуарист обратил внимание на «слегка завуалированный грустью» взгляд писателя, находя, что портрет работы В. Г. Перова наиболее удачно передал характерные черты облика Тургенева. Под конец беседы писатель пошутил: «В обществе говорят, что я, слушая вашу речь, слезы вытирал платком... А у меня просто был насморк».²⁶

Между тем время, в которое Тургенев появился в столицах, было до крайности напряженным. В Москве, как и в других городах, действовало

люционной деятельности, см.: *Алексеева Н. В.* Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе. С. 295.

²⁴ См.: Там же. С. 334.

²⁵ Характерно, что Викторов и его товарищи ошибочно отнесли заглавие романа к молодому поколению народников, намекая на преследования, которым подверглась значительная часть молодежи после на шумевших судебных процессов («процесс 50-ти» в феврале—марте 1877 года, «процесс 193-х» в октябре 1877 — январе 1878 годов и др.), проходивших уже после выхода в свет романа «Новь». Между тем в центре романа, задуманного еще в 1870 году, оказалось так называемое «дело Нечаева», совершившего убийство студента И. И. Иванова 21 ноября 1869 года. См. об этом: *Генералова Н. П.* Заметки комментатора. II. Об одной ошибке Андре Мазона, или Когда появился в «Нови» Нечаев // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. Вып. 4. С. 470—484.

²⁶ Цит. по: *Алексеева Н. В.* Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе. С. 337—341.

несколько революционных организаций, шла активная работа по налаживанию связей с рабочими и т. д., подпольные типографии печатали не только изготовленную за границей агитационную литературу, но и собственные журналы («Земля и воля» и др.). 26 февраля (10 марта) 1879 года, когда Тургенев уже был в Москве, по приговору Исполнительного комитета «Народной воли» в Замоскворечье, в номерах Мамонтова, революционерами был убит обвиненный в провокаторской деятельности Н. В. Рейнштейн, после чего начались массовые аресты. 25 лиц, заподозренных в намерении создать «центральный кружок вроде распорядительного комитета», были арестованы и затем высланы из Москвы. Среди них оказался и П. П. Викторов. Почти все они вернулись в Москву в 1880 году по частичной амнистии в период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова. Характерно, что через провокатора Рейнштейна Викторов отправил в редакцию журнала «Земля и воля» в Петербург рукопись своих стихов на смерть скончавшегося в тюрьме в 1876 году товарища (П. Ф. Чернышева).²⁷ Позже копию этого стихотворения он вручил вместе со своей речью и Тургеневу для передачи за границу П. Л. Лаврову. Однако Лавров получил от Тургенева не только этот документ, но и многие другие, связанные с пребыванием писателя в России, и воспользовался ими в обзорной статье «Социалистическое движение в России», опубликованной в Швейцарии в том же 1879 году. В ней он прямо писал, что «в речах и адресах профессора, представители литературы и искусства, делегаты и депутации учащейся молодежи обоего пола высказывали смелые вещи и вызывали героя торжеств (Тургенева. — Н. Г.) на смелые высказывания».²⁸

По свидетельству самого Викторова, Лавров также процитировал в этой статье часть его речи.²⁹ От лица молодежи Викторов призывал писателя «вступить в ряды той интеллигенции нашего общества, которая стремится тем или другим образом разрушить существующий порядок».³⁰ Прочитав много лет спустя отрывок из своей речи, хотя и без указания на источник и имя автора, Викторов «был счастлив убедиться» в том, что Тургенев выполнил свое обещание и ознакомил с его речью Лаврова.³¹

Комментируя речь писателя к московским студентам 4 (16) марта 1879 года, М. К. Клеман справедливо писал: «Чествование Тургенева имело характер именно политической либеральной антиправительственной демонстрации. Обращенные к писателю речи и адреса были переполнены более или менее прозрачными политическими намеками».³²

Агент III отделения, следивший за чествованиями писателя, в агентурной записке прямо писал: «В последние дни в Москве устроены были шумные и небывалые овации известному писателю И. С. Тургеневу. В честь его давались обеды, на которых произносили страстные речи студенты, профессора университета, редакторы газет, адвокаты и сам г. Тургенев. В речах этих почти прямо высказывалось, что Россия стоит накануне конституцион-

²⁷ См.: Викторова-Вальтер С. А. Из жизни революционной молодежи 2-й половины 1870-х годов // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 77.

²⁸ *Jahrbuch für sozialistischen Bewegung*. Zürich, 1879. S. 296. Цит. по: Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. / Под ред. К. Халабаева, Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1933. Т. 12. С. 545 (комм. и пер. М. К. Клемана).

²⁹ Впервые статья под заглавием «Russland. Bericht über den Fortgang der sozialistischen Bewegung» была за подписью «Р. Л.» опубликована в 1879 году в первом выпуске немецкого журнала «*Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*», а затем в русском переводе в журнале «Каторга и ссылка» в 1925 году.

³⁰ Каторга и ссылка. 1925. № 1. С. 74.

³¹ Цит. по: Алексеева Н. В. Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе. С. 342.

³² См.: Тургенев И. С. Соч. Т. 12. С. 545.

ного переворота и какой-то особой демократизации. Овации сопровождались поднесением лавровых венков и другими признаками воодушевления, так что этими празднествами исключительно была занята Москва последнее время». ³³ Показательно, что тот же агент предупреждал о том, что в Петербурге чествования Тургенева могут принять еще более серьезный характер и значение.

Кульминацией московских торжеств стал упомянутый выше литературно-музыкальный вечер в пользу недостаточных студентов Московского университета 4 (16) марта. Правительство не даром начало опасаться шумных оваций и сделало все возможное, чтобы отложить мероприятие, обернувшееся новой демонстрацией со стороны молодежи. Е. И. Бларамберг довелось присутствовать на этом торжестве: «Бурными, долго не умолкавшими аплодисментами встретили его, лишь только он взшел на эстраду, и восторженными овациями благодарили за чтение, по окончании которого на эстраду вошел студент (Н. Н. Чихачев. — *Н. Г.*) и, поднеся Ивану Сергеевичу лавровый венок, произнес краткую прочувствованную речь. Тургенев положил венок к подножию находившегося на эстраде бюста Пушкина и ответил несколькими словами, вызвавшими новую бурю восторгов». ³⁴ «Прием, оказанный г. Тургеневу на этом вечере, — писал хроникер тургеньевских торжеств в Москве и Петербурге П. П. Васильев, — был сделан университетом, литераторами и всеми, что есть в Москве мыслящего и развитого в женщинах и молодых людях. При появлении в зале дорогого романиста, вся публика, не исключая и дам, разом поднялась со своих мест и в течение нескольких минут, стоя, рукоплескала виновнику торжества. В этих долгих и громких овациях чувствовалось накопление нравственных общественных стремлений, ждавших только повода, чтобы проявить себя... А лучшего повода нельзя было и придумать». ³⁵

«По приезде в Россию, — справедливо писал М. К. Клеман, комментируя ответные речи писателя во время этих торжеств, — Тургенев попал в напряженную политическую атмосферу. Окончание восточной войны (русско-турецкой войны 1877—1878 годов. — *Н. Г.*) пробудило самые радужные чаяния либералов. Газетные столбцы переполнялись известиями о ходе „Великого народного собрания“ в Тырнове, а обсуждение болгарской конституции давало поводы к высказыванию самых смелых либеральных предположений об изменении правительственного режима и внутри России. В этой обстановке каждый повод использовался либералами для устройства политических демонстраций». ³⁶ И хотя П. Л. Лавров упрекал Тургенева в том, что он «охотно» давал манипулировать собой, «отдавая себя в распоряжение этим господам», ³⁷ нельзя забывать, что писатель и сам причислял себя к либералам, разделяя вместе с ними надежды на ближайшее дарование России конституции.

Насколько напряженной была обстановка, говорят факты. Так, буквально на следующий день по приезде Тургенева из Парижа в Петербург, 9 (21) февраля, был убит харьковский губернатор князь Д. Н. Кропоткин; 13 (25) марта, когда писатель выслушивал приветственные речи в петербургском ресторане Бореля и сам произносил прочувствованную речь, на Лебя-

³³ Лит. наследство. 1967. Т. 76. С. 325.

³⁴ И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. Вып. 4. С. 733.

³⁵ П. В. [Васильев П.] Описание торжеств, происходивших в честь И. С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г. Казань, 1880. С. 4.

³⁶ См.: Тургенев И. С. Соч. Т. 12. С. 545.

³⁷ Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собр. и комм. М. К. Клеман; ред. и введение Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 43—44.

жеей канавке произошло покушение на шефа жандармов А. Р. Дрентельна, с которым Тургенев был лично знаком (по странному совпадению, на одной странице петербургской газеты столкнулись окончание воспроизведенной речи Тургенева и сообщение о приметах еще не пойманного террориста Л. Ф. Мирского, покушавшегося на шефа жандармов³⁸). А 2 (14) апреля, через десять дней после отъезда писателя в Париж, последовало неудачное покушение террориста-народника А. К. Соловьева на Александра II, надолго отложившее чаяния русских либералов на введение конституции. Да и сам отъезд был не вполне добровольным: писателю стали прямо намекать, что он весьма желателен.

Нет никаких сомнений, что Тургенев лучше всех понимал, кто и в каких целях использует его имя. При встрече в Петербурге с Г. А. Лопатыным он прямо заявил: «Ведь я понимаю, что не меня чествуют, а что мною, как бревном, бьют в правительство. <...> Ну и пусть, и пусть, я очень рад <...>».³⁹ Обнародованные спустя десятилетия письма Тургенева к П. Виардо и к ее дочери К. Шамро убеждают, что писатель отлично ориентировался в общественно-политической обстановке, в которой волей-неволей оказался в этот приезд на родину.

«Представьте себе, — писал он 5 (17) марта 1879 года из Москвы Полине Виардо, — более тысячи студентов в огромной зале Благородного собрания; я вхожу, раздается оглушительный шум, такой что впору рухнуть зданию, крики ура, в воздух взлетают шляпы, потом два огромных венка, потом мне в ухо молодой представитель студенчества выкрикивает спич, полный запретных выражений, что вызывает взрыв; в первых рядах кресел бледный от страха ректор Университета; я, стараясь не подлить масла в огонь, отвечаю, пытаюсь сказать хоть сколько-нибудь не избитое, потом, после чтения, вся эта толпа провожает меня в соседние залы, неистово вызывая меня 20 раз кряду; барышни хватают меня за руки... чтобы поцеловать их!!! Безумие да и только!» И далее: «Причину всего этого я хорошо понимаю; накануне вечно обещаемых и вечно откладываемых реформ, накануне пробуждения к политической жизни, вся эта молодежь наэлектризована, как лейденская банка; а я служил чем-то вроде машины для ее разрядки. И в этом мои либеральные взгляды повинны по крайней мере столь же, сколь литературные заслуги. Если бы эта бедная молодежь не выступала, она бы взорвалась!» (П 16-2, 210; подлинник по-французски). В письме к своей любимице Клоди Тургенев пытается юмористически нарисовать картину обрушившихся на него почестей и все же не может скрыть, как глубоко взволновали его столь горячие проявления всенародной любви и признания: «В нынешнем году мне решительно везет как литератору (злые языки сказали бы: потому что я больше ничего не пишу и объявил, что впредь ничего более писать не намерен...) — здесь меня превозносят до небес — и когда я вернусь, я заставлю вас всех не раз улыбнуться, рассказывая о том, что со мной происходило: и о визитах, и об анонимных письмах и адресах, и т. д. и т. д. — Сегодня вечером, напр<имер>, — студенты университета устроили мне невероятную „овацию“: крики ура, взлетающие в воздух шапки, ошеломляющая речь — лавровый венок, такой большой, что через него могла проскочить цирковая наездница — и двадцать вызовов кряду — и объятия и shake-hands. Это очень приятно... но трудно переносимо. Это как будто тебя расстреливают конфетами. В конце концов — со мной такое случается в пер-

³⁸ См.: Новое время. 1879. 16 марта. № 1094. С. 3.

³⁹ Запись беседы с Г. А. Лопатыным // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-сороклетних. С. 126.

вый — и возможно, в последний раз: примем это — раз уж Господь это посылает» (П 16-2, 212).

В газетах Тургенева называли «национальным художником-воспитателем целых поколений»,⁴⁰ представители молодого поколения, еще недавно обиженные за «Отцов и детей» и за «Новь», оказывали знаки самого горячего и восторженного внимания, целые делегации студентов и курсисток являлись к нему, вручали адреса и т. д. Не только Тургенев — кажется, и само общество не ожидало подобного всплеска эмоций.

Но Тургенев понимал и другое: никогда еще русское общество не выказывало столь явно своей любви к писателю, и его писательское сердце не могло с благодарностью не отозваться на эти искренние знаки внимания. Как бы далеко ни расходились взгляды тех или иных групп студенчества, профессуры, да и всех остальных слоев общества, оно действительно проявило небывалую сплоченность в отношении к любимому писателю.

Не только молодежь приветствовала Тургенева в эти знаменательные дни: писатели, художники, музыканты, профессора, адвокаты, многочисленные представители культуры и искусства спешили засвидетельствовать свое уважение и любовь к писателю. Группа молодых профессоров Московского университета во главе с М. М. Ковалевским, ректор Н. С. Тихонравов, писатели А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, П. Д. Боборыкин, председатель Общества любителей российской словесности А. С. Юрьев, редакторы газет и журналов Н. П. Гиляров-Платонов, П. И. Бартенев и сотни других приняли участие в чествованиях. Пребывание Тургенева в столицах было ознаменовано множеством новых впечатлений и знакомств. Правы были те, кто утверждал, что подобного проявления всенародной любви к писателю русское общество еще не знало. Кажется, не проходило дня, чтобы Тургеневу не пришлось встречаться с отдельными посетителями или целыми делегациями.

Небывалый случай: уже в следующем 1880 году в Казани вышла специальная брошюра под названием «Описание торжеств, происходивших в честь И. С. Тургенева во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г.», составленная на основе газетных и журнальных материалов казанским библиографом П. П. Васильевым. В книжечку включены и письма самого Васильева к писателю. 4 (16) мая 1879 года он писал Тургеневу, обращаясь от лица русской провинции: «Недавно Москва и Петербург чествовали Вас как знаменитого русского писателя, выразителя общественных дум и стремлений. Провинция не могла принять участие в этом торжестве, тем не менее она, как и столица, глубоко чтит Ваш могучий талант и сознает то историческое значение, какое Вы, бесспорно, имеете для всего нашего образованного общества. Скажу прямо: провинция, пожалуй, еще более преклоняется перед творцом „Записок охотника“, чем столицы. Для нашего провинциального общества, едва начинающего сознательную жизнь, Ваши высокохудожественные произведения, и прежде и теперь, имели и имеют громадное общественно-воспитательное значение, возбуждая высокие чувства и стремления ко всему честному и благородному. Благодаря Вашим творениям множество молодежи обоего пола на Руси обязаны вам своим умственным и нравственным просветлением. Да! благотворное влияние Ваших произведений я испытал на самом себе...

Читая в газетах описания всех оваций, которыми Вас почтили обе столицы, мы, провинциалы, радовались, что столичное общество в лучших представителях науки, литературы и искусства, а также и молодое поколе-

⁴⁰ Русские ведомости. 1879. 6 марта. № 57. С. 2.

ние воздали Вам, по праву, должное, возведя Вас на такую высоту славы, которая редко дается в удел даже избранным писателям».⁴¹ Однако, если собрать все печатные и рукописные материалы, связанные с чествованиями Тургенева, получилась бы не брошюра, а увесистый том, чтение которого было бы полезным не только историкам литературы.

5 (17) марта 1879 года небольшая группа профессоров и писателей дали Тургеневу «интимный» обед в гостинице «Эрмитаж», а 6 (18) марта там же его ждал грандиозный обед на 100 персон, где звучали речи, стихи, пение студенческого гимна «Gaudeamus» и многое другое. И хотя в письме к К. Шамро Тургенев шутил, что чуть не задохнулся под ворохом цветов красноречия, он был не на шутку растроган. Наиболее значительной стала речь профессора математики Н. В. Бугаева (отца Андрея Белого). «Руководясь замечательным чувством меры, — сказал профессор, — Вы относились к нашим общественным явлениям объективно и разумно, не только как художник, но и как глубокий мыслитель, как человек, обладающий тонким социальным чутьем. Вы мягко, верно и правдиво указывали, где нарушалось чувство общественной гармонии и человеческого достоинства. Вы были верным оберегателем и охранителем этой гармонии и этого достоинства. (...) Вы были регулятором нашего развития, совестью нашего общественного организма».⁴²

Русское общество, будто спохватившись после бурного и часто недоброжелательного обсуждения произведений Тургенева в 1860—1870-е годы (начиная с «Накануне»), старалось не только продемонстрировать писателю свою любовь и уважение, но и как будто принести извинение за прошлые несправедливые нападки. Так, в неподписанной статье газеты «Современные известия», принадлежавшей, судя по всему, ее редактору Н. П. Гилярову-Платонову, Тургенев прямо назывался «первым нашим руководителем за последние тридцать пять лет», «благороднейшим из русских деятелей, давно покинувшим свою родину» и отправившимся в «добровольное изгнание», и высказывалось пожелание, чтобы писатель вернулся в Россию и продолжил свою «поэтическую летопись».⁴³

Разумеется, полного единодушия, как и следовало ожидать, не было и не могло быть. Так, главный охранительный орган «Московские ведомости», всячески замалчивавший масштаб тургеневских чествований, хотя и признавал, что «лестным приемом, который встретил г. Тургенев в нынешний приезд свой в Россию со стороны публики, он обязан исключительно своему яркому и симпатичному беллетристическому таланту», не преминул заметить, что «роль какого-то чревоушителя общества», «выразителя и истолкователя разных фазисов русского умственного движения» является «странной», а его «расплывчатый, смутный, лишенный всякой действительной народной подкладки либерализм способен был гораздо более служить заблуждениям, чем действительному *воспитанию* русского общества в строгом значении этого слова...»⁴⁴

⁴¹ П. В. Описание торжеств... С. 34—35. Широко пользуясь материалами столичной прессы, автор брошюры далеко не всегда указывал источники, нередко «раскавычивая» цитаты, так что читатель мог принять то или иное описание или высказывание за авторское. К сожалению, подобный прием встречается и на страницах книги известного орловского тургеноведа В. А. Громова «Месяц в столицах. Документальный рассказ о национальном чествовании Ивана Сергеевича Тургенева в 1879 году» (Орел, 1995), что существенно снижает научную значимость этого по-своему ценного труда.

⁴² Цит. по: П. В. Описание торжеств... С. 9.

⁴³ Современные известия. 1879. 3 марта. № 61. С. 2.

⁴⁴ Иногородний обыватель [Маркевич Б. М.] С берегов Невы. XII // Московские ведомости. 1879. 20 марта. № 70. С. 1.

Писательница С. В. Энгельгардт, ранее горячая поклонница Тургенева, сообщала А. А. Фету 5 (17) марта 1879 года: «Тургенев гостил у нас, да, кажется, и теперь он еще в Москве. Его приняли с восторгом. — За что именно? За „Дым“ или за „Новь“? — Студенты делали ему овации, должно быть, за обе повести. Он рассказывал, что получил выговор от к⟨нзя⟩ Орлова за чтение в пользу парижских русских нигилистов. Они берут у него деньги нахрапом, вот он и принужден от них отделяваться чтениями. Я знаю из верного источника, что их наглость его бесит, но он не смеет им отказывать; он добивается их хорошего расположения. — Как грустно видеть, что человек пережил себя». ⁴⁵ Отвечая своей корреспондентке, Фет был еще более суров: «Даже обидно слышать и читать, что человек, как Тургенев, всюду заносивший ⟨?⟩ на языке слово *свобода*, подпал вследствие мелкого самолюбия под такое рабство — и у кого же? У грязных подонков народной жизни. Что так⟨ое⟩ наши современные университеты и студенты? Непроглядная трущоба невежества — и только». ⁴⁶ А в письме к Л. Н. Толстому от 3 (15) июня 1879 года Фет замечал: «...Тургенева попросили уехать из Петербурга, по случаю этих мальчишеских оваций. ⟨...⟩ Ничего нельзя придумать нелепее и безобразнее». ⁴⁷ Однако подобные недоброжелательные отклики тонули в общем хоре восторженных голосов.

Не раз в устных выступлениях, в газетных и журнальных обзорах звучала общая оценка произведений Тургенева, побудившая его самого по-новому взглянуть на свое творчество. Так, газета «Современные известия» уже после первого крупного торжества в Москве 18 февраля (2 марта) писала: «И. С. Тургенев останется навсегда одним из благороднейших образов в нашей литературе: имя его так же чисто, как бела его голова. Не говорим о его таланте: почти четыре десятилетия читали его с неослабевающим художественным наслаждением. Длинный ряд его крупных вещей стал поэтической летописью, в которой тонким чутьем художника угаданы и воспроизведены с глубокой обдуманностью самые сокровенные движения в нашей общественной и нравственной жизни за последние 30—40 лет. Герои его главных романов сделались нарицательными именами. Будущий историк живущих и отживающих теперь поколений нашего общества, разбираясь в своем материале, схватится прежде всего за произведения И. С. Тургенева и не только узнает из них многое, может быть больше, чем из какого-либо другого источника, но и отдохнет на них нравственно и эстетически». ⁴⁸

В ответных речах Тургенев говорил от лица поколения 1840-х годов и приветствовал сближение с молодежью, искренне полагая, что Россия стоит накануне «хотя мирного и законно-правильного, но значительного перестроя общественной жизни», ⁴⁹ т. е. введения конституции, которую ожидали и старые либералы, и новые общественные деятели. Оказавшись в роли представителя старшего поколения, писатель заново пытался дать отчет в его исторических заслугах и нащупать преемственную связь между новым и

⁴⁵ «Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 219.

⁴⁶ [Письма Фета к С. В. Энгельгардт / Публ. Н. Г. Охотина] // Фет А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 384.

⁴⁷ Лит. наследство. 2011. Т. 103. Кн. 2. С. 79 (публ. Т. Г. Никифоровой).

⁴⁸ Современные известия. 1879. 20 фев. № 50. С. 1—2 (автором обзора был, очевидно, редактор газеты Н. П. Гиляров-Платонов).

⁴⁹ Цит. по: Научная библиотека Отдела рукописей и редкой книги МГУ. Ф. 3 (Е. Я. Колбасин). Оп. 1. Карт. 1. № 14. Л. 1 (автограф). В прижизненных публикациях, а также в первом и втором Полных собраниях сочинений и писем речь воспроизводилась с существенными искажениями.

старым. Недаром Боборыкин назвал речь Тургенева на обеде 6 (18) марта в ресторане «Эрмитаж» «историческим документом»: «Никогда (...) русский писатель не давал такого содержательного и глубоко искреннего ответа перед лицом представителей разных поколений (...)».⁵⁰

7 (19) марта писатель покинул гостеприимную Москву, намереваясь провести несколько дней в Петербурге, где его ждали не менее горячий прием и овации. В обзоре московских чествований Тургенева Боборыкин, как бы бросая вызов петербуржцам, писал: «Даже и не москвич может сказать, что Петербургу надо позавидовать Москве. Хорошо, если и в нем скажется то же единодушие и та же чуткость, какие сказались в овациях национальному романисту. (...) Петербургу остается теперь, в лице своих литературных критиков, обобщить это и присоединиться к общерусскому чествованию писателя, на долю которого выпала высокая честь сделаться, на склоне своей карьеры, как бы новым провозвестником иных, лучших форм жизни, иного, лучшего содержания».⁵¹ Петербургские чествования писателя оказались едва ли не более масштабными, нежели московские.

На следующий день по приезде в столицу, 9 (21) марта 1879 года, в зале Благородного собрания Тургенев вместе с М. Е. Салтыковым, Ф. М. Достоевским, А. А. Потехиным, А. Н. Плещеевым и Я. П. Полонским участвовал в чтениях в пользу Литературного фонда и был встречен, как писали в газетах, восторженными криками, не умолкавшими несколько минут. Стоит отметить, что обозреватель газеты «Петербургский листок», описывая это событие, назвал Тургенева не только «маститым ветераном нашей литературы», но и «великим писателем», в то время как М. Е. Салтыков и Ф. М. Достоевский были охарактеризованы как «талантливые».⁵²

12 (24) марта на общем заседании Санкт-Петербургского собрания художников Тургенев был единогласно избран почетным членом.⁵³

13 (25) марта петербургские литераторы и ученые дали обед в честь Тургенева в ресторане Бореля на Большой Морской, где собрался цвет тогдашнего ученого и литературного мира. Известные адвокаты, публицисты, профессора университета, академики приветствовали в лице любимого писателя воспитателя нескольких поколений. За столом Тургенев оказался в окружении старых товарищей: по левую руку от него сидели К. Д. Кавелин и Я. К. Грот, по правую — Я. П. Полонский и Д. В. Григорович. Присутствовали на обеде Ф. М. Достоевский, А. А. Потехин, известный актер и рассказчик И. Ф. Горбунов.

Не обошлось, правда, и без неприятных моментов. Так, многими было отмечено отсутствие на обеде представителей редакции «Отечественных записок» во главе с М. Е. Салтыковым, усмотревшим в поведении Тургенева искание славы и почестей, а также И. А. Гончарова, не участвовавшего в чтениях 9 (21) марта, хотя имя его было заявлено еще на 2 (14) марта, когда чтения сорвались из-за болезни Тургенева.⁵⁴ Тогда еще никто не знал, что Гончаров уже «свел счеты» с Тургеневым в печально известной «Необыкновенной истории», где писатель был представлен в самом неприглядном и искаженном свете. Что касается Ф. М. Достоевского, то его давняя неприязнь к Тургеневу, наиболее ярко сказавшаяся в романе «Бесы», где автор «Отцов и детей» был выведен в карикатурном образе Кармазинова и отчасти Верховенского-старшего, а либеральные идеи подвергнуты самой резкой критике,

⁵⁰ Боборыкин П. Хорошая реакция // Русские ведомости. 1879. 11 марта. № 62. С. 2.

⁵¹ Там же.

⁵² Петербургский листок. 1879. 11 марта. № 49. С. 2.

⁵³ Санкт-Петербургские ведомости. 1879. 14 марта. № 72. С. 2.

⁵⁴ См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 234.

проявилась уже во время совместных чтений 9 (21) марта 1879 года. Несмотря на явный успех автора, читавшего еще не опубликованный отрывок из романа «Братья Карамазовы» (который начал печататься в январской книжке «Русского вестника»), ему, по-видимому, показались не вполне заслуженными бурные аплодисменты по адресу Тургенева. Очевидцы заметили сцену в комнате для чтецов, назвав ее «маленьким скандалом»: когда Тургенев протянул руку М. Е. Салтыкову, «тот слегка взял ее и отворотился. Достоевский сделал то же». «Здесь что-то холодно! — заметил Тургенев своему спутнику и вышел из комнаты». ⁵⁵

На обеде у Бореля поведение Достоевского привлекло к себе уже всеобщее внимание. После ответной речи Тургенева, указавшего на существование в обществе «не отдаленного и не туманного, а определенного, осуществимого и, может быть, близкого» идеала, в который верят поколения и «отцов», и «детей», Достоевский громко спросил, каков же этот идеал. Тургенев, не поддавшийся на «провокацию», побуждавшую его произнести вслух запретное слово «конституция», в ответ лишь развел руками и был поддержан восклицаниями большинства присутствующих: «не говорите! знаем!». ⁵⁶ Впрочем, через несколько дней, на совместном чтении 16 (28) марта, публика все же настояла на «примирении» двух писателей, которые вышли на сцену рука об руку. ⁵⁷ Н. Н. Страхов с удовлетворением писал Фету: «А у нас здесь восхищались Тургеневым и Достоевским. Вы, верно, читали описания этих неслыханных торжеств. Достоевский в первый раз получил овации, которые поставили его наряду с Тургеневым. Он очень рад». ⁵⁸ Через год с небольшим противостояние Тургенева и Достоевского снова окажется в центре внимания на торжествах по случаю открытия памятника Пушкину в Москве.

15 (27) марта Тургенев, после шумных оваций, которыми его наградила публика в Александринском театре, где он смотрел «Месяц в деревне» с М. Г. Савиной в роли Верочки, принял участие в благотворительном литературном вечере, организованном Женскими педагогическими курсами при Александровской женской гимназии, где прочел еще один рассказ из «Записок охотника» («Льгов») и вновь был награжден восторженными овациями, трогательными адресами слушательниц курсов и лавровыми венками. ⁵⁹

Наконец, последнее появление Тургенева на публике в Петербурге пришлось на 16 (28) марта 1879 года в зале Благородного собрания, где состоялся второй вечер в пользу Литературного фонда. Тургенев выступал на нем дважды: в первом отделении он читал рассказ «Бирюк», во втором — вместе с М. Г. Савиной — два явления из комедии «Провинциалка». От последующих выступлений писатель вынужден был отказаться по состоянию здоровья. Недаром П. В. Анненков, внимательно следивший за ходом тургеневских торжеств, высказывал опасения, что «герой дня» может заболеть «от душевного волнения и от физического таскания его телес по всем этим обедам, собраниям, театрам и проч.». В письме к В. М. Михайлову от 21 марта (2 апреля) 1879 года он не без доли юмора подвел итог этим событиям и попытался понять причину неожиданно восторженного приема: «Там (в Петербурге. — Н. Г.) происходит теперь нечто совсем новое. Невиданная еще

⁵⁵ Садовников Д. Н. Встречи с И. С. Тургеневым: «Пятницы» у поэта Я. П. Полонского в 1879 году // Русское прошлое. 1923. № 1. С. 79.

⁵⁶ Вестник Европы. 1879. № 4. С. 822.

⁵⁷ Садовников Д. Н. Встречи с И. С. Тургеневым... С. 83.

⁵⁸ Лит. наследство. Т. 103. Кн. 2. С. 273 (письмо от 12 (24) апреля 1879 года; публ. Н. П. Генераловой).

⁵⁹ См.: П. В. Описание торжеств... С. 26—29.

овация *всем обществом* коллежскому секретарю из дворян И. С. Тургеневу, похожая на прием, сделанный парижанами старику Вольтеру (намек на торжества в Париже в 1878 году по случаю 100-летия со дня смерти. — Н. Г.). «...» Слушательницы учебных курсов подносят ему *in corpore* лавровые венки, сопровождая их речами, в которых называют его своим спасителем. Студенты толпятся у его подъезда, на улицах неизвестные люди из интеллигенции снимают шляпы при встрече с ним, на обедах в честь его с первых ложек супа начинается развиваться энтузиазм — и к соусу уже превращается в неудержимый поток. Сам Спасович гремит на всю залу. Звездоносцы и разночинцы, тузы и пигмеи, молодые и старые торопятся сказать ему наиболее крупную хвалу и перещеголять друг друга в выражениях восторга и признательности. Если не построили ему еще триумфальной арки, то только потому, что у него нет парадного экипажа, а на извозчике проезжать через нее — неловко. Вместе с ним и все его ровесники, Достоевские, Полонские, Потехины, делаются участниками славы и на них льется теплый дождь общего увлечения и благорасположения». ⁶⁰ Заметил Анненков и почти курьезный факт: 17 (29) марта, на обеде в честь Тургенева, данным петербургскими художниками, где писатель отсутствовал по нездоровью, в его честь произносились речи и тосты. «Дают ему *обед*, — иронизировал критик в том же письме, — на котором он не присутствует, — но обращаясь к *пустому месту его* — читают стихи, говорят речи и подносят венки!» ⁶¹

Общий смысл происходящего представлялся Анненкову следующим образом: «Словом, происходит полная реабилитация людей 40-х годов, устранение всех их врагов, публичное признание их заслуг и отдается им глубокий, всесословный и общерусский поклон до земли и *до метания*». ⁶² Потрясенный этим необычным явлением, автор письма задается вопросом, как подобное может сосуществовать с активизацией террористов, которые «заявляя о своем существовании убийствами, работой кинжалов, револьверов etc.», и делает неожиданный вывод: «Может быть, подвиги деток Нечаева, Ткачева *e tutti quanti* и повернули все общество в сторону старого развития, начинавшегося под знаменами искусства, философии и морали, но как бы то ни было — нынешняя минута в России, может быть, самая важная из всех, какие она переживала в последние 25 лет, только мысли, ею возбуждаемые — не могут уложиться в простом письме, а требуют долгих бесед, долгих вечеров или ряда статей». ⁶³ Любопытно, что последний пассаж приведенного фрагмента отчеркнут на полях и помечен знаком «NB»: он может принадлежать как адресату Анненкова, так и знаменитому эмигранту В. С. Печерину, в архиве которого письмо Анненкова сохранилось.

Глубокая мысль автора письма перекликается с рассуждениями Тургенева, зафиксированными в дневнике немецкого дипломата Х. Гогенлоэ. В записи от 1 (13) апреля 1879 года передается беседа с Тургеневым, который довольно откровенно поделился своими впечатлениями от пребывания в России и охарактеризовал русское общество как находящееся «в брожении» («*Le peuple russe est frémissant*»). ⁶⁴ Ошибку правящих кругов Тургенев видел в том, что они не различают нигилистов и либералов. Образованные круги, по словам Тургенева, убеждены, что Россия должна получить конституцию, и царь таким образом мог бы легко привлечь на свою сторону

⁶⁰ ИРЛИ. Ф. 384. № 16. Л. 1—2.

⁶¹ Там же. Л. 2 об.

⁶² Там же. Л. 3.

⁶³ Там же. Л. 3—3 об.

⁶⁴ См.: Лит. наследство. Т. 76. С. 437.

народ, однако именно этого он не желает делать. Несмотря на неверие в революцию и отрицательное отношение к террористам, Тургенев высказал сочувствие к тысячам заключенных, которых бросили в тюрьмы за мечты о конституции. Считая, что в настоящее время настал самый благоприятный момент для реформ, Тургенев был уверен, что откладывание их может привести к краху.⁶⁵ Беседа произвела столь сильное впечатление на Гогенлоэ, что он записал: «Если бы я был царем Александром, я поручил бы Тургеневу составить кабинет».

Схожие мысли высказывал Тургенев и бывшему министру народного просвещения А. В. Головнину, который сообщил их в письме к военному министру Д. А. Милютину.⁶⁶ Откровенно разъяснил свою позицию Тургенев также американскому писателю Х. Бойсену, к которому испытывал искреннюю симпатию. Воспроизводя со слов Тургенева суть его выступления на обеде 13 (25) марта 1879 года в ресторане Бореля в Петербурге, Бойсен писал, что «он имел мужество высказать откровенно то, что было у него на сердце. Он призывал к спокойствию, пытался сдержать безудержный натиск революционеров и их доброжелателей, и тем не менее он прямо сказал, что в известной мере разделяет их надежды и сочувствует их конечной цели — уничтожению деспотизма. Положение России было до того плачевным, что трудно представлялось, может ли оно быть еще хуже».⁶⁷

Известно, что Тургенев собирался изложить свои соображения о происходящем в России в специальной «политической» статье для «Вестника Европы» (об этом он писал нескольким корреспондентам, а также говорил в частных беседах, в том числе Гогенлоэ), однако после покушения 2 (14) апреля замысел этот был оставлен.

Был еще один момент в последние дни пребывания Тургенева в Петербурге, свидетельствующий о том, какие серьезные последствия могли иметь торжества февраля—марта 1879 года. За три дня до отъезда писателя в Париж, в «Европейскую гостиницу» к нему явилась делегация студентов Университета и Горного института с просьбой принять участие в благотворительном вечере, однако Тургенев отказался, ссылаясь на нездоровье. Сохранившиеся воспоминания одного из студентов позволили раскрыть подробности этой встречи и выявить подлинные причины едва не свершившегося поворотного события в жизни писателя, а именно возвращения навсегда в Россию после долгих лет фактической эмиграции.

Воспроизводя по памяти текст адреса петербургских студентов, анонимный участник события свидетельствовал, что в беседе со студентами Тургенев упомянул, что хочет вернуться в Россию. Это побудило молодежь немедленно составить адрес, в котором говорилось, что студенты глубоко сочувствуют такому намерению и считают одного Тургенева способным объединить разрозненные силы интеллигенции: «И мы говорим Вам, Иван Сергеевич, что только Вы одни в настоящее время сумеете объединить все направления и партии, сумеете оформить это движение, придать ему силу и прочность: подымайте смело и высоко ваше светлое знамя: на ваш могучий и чистый голос откликнется вся Россия: Вас поймут и отцы и дети».⁶⁸ Выслушав этот адрес стоя, растроганный писатель признался, что, несмотря на все сложности принятого решения, он понимает, что в данный момент в России нет человека, «который обладал бы более серьезным образованием, лучшим поло-

⁶⁵ Там же. С. 438—439.

⁶⁶ См.: Там же. С. 439 (прим. 3).

⁶⁷ Бойсен Я. Воспоминания о Тургеневе / Пер. и публ. В. А. Александрова // Вопросы литературы. 1981. № 6. С. 188—196.

⁶⁸ Цит. по: Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества. С. 87.

жением в русском обществе и большим политическим тактом», чем он, и что он готов отважиться на этот шаг. О том, что это намерение было серьезным, свидетельствовал и П. Л. Лавров, с которым Тургенев постоянно общался в Париже. Хотя Тургенев не сообщил ему о своих планах сразу по приезде, он «много раз после того в следующем году высказывал свою решимость вернуться в Россию и там поселиться, разорвав с долголетними привычками обстановки». ⁶⁹

Поделиться Тургенев своим замыслом и с верным другом П. В. Анненковым в письме от 12 (24) апреля 1879 года, хотя после 2 (14) апреля стало очевидно, что планам писателя не суждено было сбыться: «Как они просили меня в России вернуться туда, остаться там — конечно, не для того чтобы сделаться „вождем“ — (это не в моей натуре — да и не в данных условиях современности) — но центральным пунктом, знаменем... Несмотря на мои уже преклонные годы — <...> я, пожалуй, решил бы вырвать все корни, которые я пустил здесь — но зачем, к чему?» На высказанное в том же письме «глубокое сострадание к нашей прекрасной молодежи — мужской и женской, которая просто задыхается от недостатка воздуха, как птица под пневматическим колоколом», ⁷⁰ писатель получил очень жесткий ответ, весьма далекий от сочувствия к студентам.

«Главный вопрос, — писал Анненков, — по-моему, состоит в том, что никакого реального, а не *эфемерного* центра для движения молодежи теперь составить нельзя, без донкихотства и без напрасной жертвы собственным существованием — и Вы хорошо сделали, что отказались от этой перспективы». ⁷¹ Последующее рассуждение исключало всякую возможность возвращения на родину: «Бывают такие эпохи, когда руководящая мысль удаляется из центра общества на его периферию и там только может жить и действовать плодотворно. В этом положении находитесь и Вы — и не меняйте его. Мне были всегда жалки и смешны лицемерные вопли негодования и крокодиловы слезы по поводу Вашего удаления из России. Веское слово и прежде ковалось и теперь куется вдали от тех, на которых оно должно действовать». ⁷² На этот раз доводы Анненкова, по-видимому, были глубоко восприняты Тургеневым.

Лучше всех почувствовала опасность в настроениях Тургенева П. Виардо, регулярно получавшая от него письма. «Ведь вы не хотите нас покинуть, не правда ли? — тревожно спрашивала она в письме от 13 (25) марта 1879 года, — Вам будет скучно в Париже, ведь вокруг не будет этой лихорадki обожания — а будут только постаревшие знакомые лица, с каждым днем все более стареющие, или все менее молодые, которые будут смотреть на вас с радостью, но спокойной радостью, будет несколько чудачковатых друзей, кое-какие добрые знакомые и множество докучливых, и все тот же размеренный образ жизни, все в свое время, как обычно... Господи! какое это будет счастье снова увидеть вас! Никогда не хватит у вас сил оторваться от всей этой кипящей и бурлящей вокруг вас юности! Вы совсем перестали говорить о возвращении...» ⁷³ Вернувшись в Париж, писатель, конечно, оценил смысл этих слов.

⁶⁹ Цит. по: Там же. С. 53.

⁷⁰ Цит. по: Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подг. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 2. С. 283.

⁷¹ Там же. С. 103.

⁷² Там же. С. 103—104.

⁷³ См.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей / Сост., вступ. статья и комм. к разделу «Воспоминания» В. Г. Фридлянд; сост., пер. писем, вступ. статья и комм. к разделу «Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей» Н. П. Генераловой. М., 1988. С. 538 (подлинник по-французски).

Как бы то ни было, случившиеся с Тургеневым невероятные приключения в Москве и Петербурге в феврале—марте 1879 года остались навсегда в его памяти и существенно повлияли на его дальнейшие литературные планы. Но это тема для другого, специального исследования.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-96-97

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО АЛЬФОНСА ДОДЕ К И. С. ТУРГЕНЕВУ (ПУБЛИКАЦИЯ © АЛЕКСАНДРА ЗВИГИЛЬСКОГО (ФРАНЦИЯ))*

Еще много лет назад нам приходилось подчеркивать, что сохранились редкие письма из эпистолярного диалога Тургенева и Доде, этих двух столпов знаменитой «Группы пяти».¹

Автограф публикуемого ниже письма был приобретен Обществом друзей Ивана Тургенева 4 июля 2017 года на 57-й распродаже Румэ по истории почты и автографов (57ème Vente sur Offres Roumet Histoire Postale et Autographes), № 2066.² В настоящее время автограф письма Доде к Тургеневу хранится в Музее И. С. Тургенева в Буживале.

Имя Жана (Ивана Петровича) д'Альгейма (в русском варианте: Дальгейм; 1832—1894), как и его жены Александрины, урожденной Пушкиной, писавшей цветы и портреты, фигурирует в «Энциклопедии художников» Э. Бенезита. Если живописец морского побережья Прованса нравился Альфонсу Доде, мы полагаем, что и Тургенев, с недавних пор собиравший картины французских пейзажистов, должен был оценить картины своего соотечественника, даже если тот не входил в Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников, созданное Тургеневым в Париже в 1877 году.

Со своей стороны, Альфонс Доде был великим ходатаем, особенно за своих друзей. И в этом он был одного поля ягода с Тургеневым, который являлся неутомимым благотворителем. Никто еще не собрал воедино всех благодеяний этого человека, всех оказанных им услуг людям подчас незнакомым. Его врожденная доброта побуждает нас сожалеть о том, что мы плохо его знали, не видели его «доброй улыбки», подмеченной Доде. Следует напомнить здесь очень точное суждение Исаака Павловского, приведенное в письме к Г. О. Гинцбургу от 10 (22) января 1879 года: «Что он великий писатель — об этом знает весь мир, но что у этого человека совсем детская, открытая душа, что этот гений умеет спускаться с своего лучезарного престола так низко, чтобы интересоваться, и как! как добрый, любящий дедушка судьбою таких маленьких людей, как я, — этого никто не знает!»³

Конечно, барона Ивана Петровича д'Альгейма нельзя отнести к числу «маленьких людей». Он играл в теннис с великой княгиней Марией, дочерью Александра II, и не испытывал недостатка в средствах. Его желание вернуться на родину после 25-летнего изгнания в Париже было вполне есте-

* Перевод статьи выполнен © Н. П. Генераловой.

¹ См.: *Zviguilsky A. Autour de quelques documents exposés au Musée Tourguéniev // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1990. № 14. P. 125—129.*

² Каталог распродажи см.: https://www.delcampe.net/en_US/prestige/catalogs/show-5099.

³ *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. Т. 16. Кн. 2. С. 293 (прим. 4).*